

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

PETER STRAUB

KOKO

ПИТЕР СТРАУБ

КОКО

Перевод с английского:
Александр Крышан

Издательство АСТ
Москва

*Посвящается
Сьюзен Страуб
и
Лиле Дж. Калнич, д. м. н.*

Полагаю, вполне возможно и даже нужно
играть блюз на чем угодно.

Фрэнк Морган, саксофонист-альтист

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИМЕНА

I. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

I

Хмурился серый ветреный день середины ноября. В три часа пополудни детский врач по имени Майкл Пул смотрел из окон своего номера на втором этаже отеля «Шератон». Внизу, на стоянке перед отелем, микроавтобус «фольксваген» с полустертыми, пыленными баллончиком «пацификами» на бортах, управляемый то ли пьяным, то ли больным на всю голову, пытался развернуться в девяносто восемь приемов на узеньком пространстве между первым рядом припаркованных машин и однополосным въездом на парковку, уже сотворив своими маневрами пробку из вереницы нетерпеливо гудящих автомобилей. На глазах у Майкла «фольксваген» наконец завершил разворот, сокрушив передним бампером решетку радиатора и фары маленького пыльного «камаро» и погнув ему капот. Обиженно взвыл автомобильный гудок. Теперь микроавтобусу противостояла запертая и раздраженно-враждебная вереница машин. Водитель микроавтобуса сдал назад, и Майкл решил, что тот вознамерился удрать, смяв первый ряд автомобилей и тем самым освободив себе выезд на Вудли-роуд. К его удивлению, лихач умудрился втиснуть «фольксваген» на свободное место двумя машинами дальше. «Вот чертяка! —

подумал Майкл.— Ради места на парковке не пожалел «камаро».

Уже дважды Майкл звонил на ресепшн справиться, нет ли для него сообщения. Однако ни один из троих, кого он ждал, еще не зарегистрировался в отеле. Если Конору Линклейтеру не придет в голову проделать весь путь из Норуолка на своем мотоцикле, они наверняка воспользуются челночным рейсом из Нью-Йорка. Однако на мгновение Майкл порадовал себя фантазией — вот прямо сейчас, стоя у окна, он увидит, как все трое выбираются из того самого «фольксвагена»: Гарри «Боб» Биверс, он же Чокнутый Босс и худший на свете лейтенант; Тина Пумо, или Пумо-Пума, которого Андерхилл называл Леди Пума, и неистовый маленький Конор Линклейтер — все, кто остался в живых из их взвода. На самом-то деле они наверняка приедут каждый по отдельности, на такси, прямо к входу в отель, но ему очень хотелось, чтобы сейчас именно они вылезли из микроавтобуса. Майкл даже не подозревал, насколько сильно ему хотелось, чтобы они поскорее приехали: в первую очередь он хотел сам осмотреть Мемориал, но еще больше хотелось сделать это чуть позже вместе с друзьями.

Двери микроавтобуса скользнули назад. Сначала показался кулак с зажатым в нем горлышком бутылки — Майкл тотчас опознал кукурузный виски «Джек Дэниелс». За «Джеком Дэниелсом» медленно появилась толстая рука, вслед за ней — голова, скрытая мятой армейской тропической панамой. Вылезший наконец целиком мужчина, грохнувший водительской дверью, казался много выше шести футов и весил никак не меньше двухсот тридцати фунтов. На нем был тигровый

камуфляж¹. Двое мужчин помельче, одетых так же, выбрались из-за левой сдвижной двери салона, а крупный бородач в поношенном разгрузочном жилете закрыл пассажирскую дверь «фольксвагена» и обошел его спереди, чтобы забрать у водителя бутылку. Он рассмеялся, помотал головой и опрокинул бутылку в рот, прежде чем передать другому. Все вместе и каждый по отдельности они выглядели в точности так же, как и десятки солдат, которых он прежде знал,— подумалось Пулу: прижавшись лбом к оконному стеклу, он пристально смотрел вниз.

Конечно же, из этих парней он не знал никого. Сходство было типическим. Здоровяк не был никаким Андерхиллом, как и все остальные — его однополчанами.

Просто ему *хотелось*, чтобы стоявшие внизу были ими — вот и вся такая простая истина. Ему хотелось грандиозной торжественной встречи, воссоединения со всеми до единого, кого помнил он по Вьетнаму,— с живыми либо павшими. И еще ему хотелось взглянуть на Мемориал, и чтобы тот тронул ему душу, и хотелось этого так страстно, что он почти страшился увидеть его. Судя по снимкам, которые попадались Майклу, Мемориал — мощный, мрачно-суровый в своей строгой красоте — стоил того, чтобы полюбить его. Мемориал представлялся Майклу неким символом разобщенности,

¹ *Тигровый камуфляж (tiger-stripe)* — название группы камуфляжных моделей, разработанных для использования в джунглях во время войны в тропических лесах в южновьетнамских Вооруженных силах и принятых американским спецназом во время войны во Вьетнаме. Камуфляж получил свое название от сходства расцветки с тигриными полосами — зелеными и коричневыми мазками и более широкими — черными, напечатанными на светлом фоне оливкового или цвета хаки.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

принадлежащим каждому по отдельности, а на самом деле он принадлежал и ему, и этим «ковбоям» там, на парковке, потому что Вьетнам навсегда отделил их от этого мира, как навсегда отделил павших. Майкл остро почувствовал, что все они существовали в какой-то своей, не видимой другим стране.

Ему хотелось отыскать имена на Мемориале — имена, на месте одного из которых могло быть начертано и его имя.

Ковбой-здоровяк достал из кармана рубахи листок бумаги и принялся что-то писать, полусогнувшись над капотом микроавтобуса. Остальные взялись выгружать вещмешки из задней части салона. «Джек Дэниелс» гулял по кругу до тех пор, пока водитель не прикончил виски и не убрал пустую бутылку в один из мешков.

Майклу захотелось выйти и прогуляться. Если верить программе праздника, которую он прихватил внизу на стойке ресепшн, парад на Конституьонн-авеню уже начался. Он успеет сходить взглянуть на Мемориал и вернуться до того времени, как подъедут в отель друзья. Если, конечно, Гарри Биверс не умудрился напиться в баре ресторана Тины Пумо и не сидит сейчас там, настойчиво выпрашивая «последний ма-а-аленький стаканчик водки-мартини, и необязательно ведь лететь в четыре, мы можем и в пять, и в шесть, а то и в семь»... Тина Пумо, единственный из их старой компании, с кем Пул виделся относительно регулярно, рассказывал ему, что Биверс порой проводит в его баре весь день. С самим Гарри Биверсом Пул за четыре или пять лет виделся лишь однажды — когда тот позвонил ему, чтобы зачитать статью из «Старз энд страйпс», которую ему прислал брат. Статью о серии не связанных между собой убийств на Дальнем Востоке, которые совершил некто, называвший себя Коко.

Пул отошел от окна. Не до Коко сейчас. Гигант в тигровом камуфляже и армейской панаме закончил строчить записку и призраивал ее под один из дворников пострадавшего «камаро». Что он мог в ней нацарапать? «Извини, приятель, я раскурочил твою тачку, приходи, пропустим по стаканчику „Джека“»...

Пул присел на краешек кровати, снял трубку телефона и после секундного колебания набрал номер школы, в которой работала Джуди. Когда она ответила, Майкл проговорил:

— В общем, я на месте, но остальные ребята еще не подъехали.

— Мне, наверное, надо сказать: «Бедняжка Майкл»? — спросила Джуди.

— Нет, просто думал, тебе интересно, что здесь и как.

— Майкл, у тебя что-то особенное на уме? К чему этот разговор? Какой в нем смысл? Ты собрался провести пару дней в компании своих армейских друзей — пьянствовать, сентиментальничать и вспоминать былые дни. Я-то здесь с какой стороны? Какое отношение к этому имею я? В моем присутствии ты просто будешь чувствовать себя виноватым.

— И все же мне бы очень хотелось, чтобы ты была рядом.

— Знаешь, Майкл, я считаю, что прошлое должно оставаться в прошлом, потому что только там ему и место. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Думаю, говорит...

Повисла пауза, показавшаяся слишком долгой. Джуди молчала, и Майкл заговорил сам.

— Ладно, — произнес он наконец. — Вечером, наверное, увижу Биверса, Тину и Конора, а завтра намечаются

кое-какие церемонии, хотелось бы в них поучаствовать. Домой вернусь в воскресенье, часам к пяти-шести.

— Твои пациенты на удивление терпеливы.

— Потничка редко приводит к смертельному исходу,— сказал Майкл, и Джуди выдохнула дым сигареты со звуком, который можно было бы принять за смешок.— Позвонить тебе завтра?

— Не беспокойся. Очень мило, что предложил, но — не стоит беспокоиться, ей-богу.

— Ей-богу...— невольно повторил Майкл и повесил трубку.

2

Майкл неторопливо пересек вестибюль «Шератона», поглядывая на выстроившихся в очередь у стойки регистрации мужчин — среди них гигант-ковбой в камуфляже и трое его приятелей,— и на группки людей, занимавших мягкие темно-зеленые стулья и банкетки. «Шератон» принадлежал к типу отелей, в которых бара как такового не имелось. Здешние официантки, казалось, происходили из одной семьи. Привлекательные, высокие, томные и неторопливые — этим принцессам больше пристало подавать джин-тоник и «Перье» с лаймом холеным мужчинам в темных костюмах с модными стрижками (такими, как, например, соседи Майкла Пула в округе Уэстчестер),— они же ставят рюмки с текилой и бутылки пива перед дикарями в армейских куртках и широкополых шляпах, в вонючей линялой военной робе и драных бейсболках защитного цвета.

От едкого разговора с женой Майклу захотелось приземлиться за столик среди «дикарей» и заказать выпить. Но подобное действие чревато: он непременно во что-

нибудь вяжется. Кто-нибудь заведет с ним разговор, и он закажет выпивку собеседнику, который воевал в тех же местах, что и он, либо где-то поблизости от тех мест, или же у того был друг, побывавший рядом с теми же местами. Ну, а потом собеседник угостит выпивкой его. После чего непременно последуют рассказы, воспоминания, размышления, новые знакомства, клятвы в нерушимом братстве. Кончится все тем, что он присоединится к параду в составе команды совершенно не знакомых людей и увидит Мемориал сквозь комфортную пелену алкогольного дурмана. Майкл не стал останавливаться и проследовал дальше.

— Спецназ навсегда! — раздался пьяный выкрик за спиной.

Через дверь служебного входа Майкл вышел на парковку отеля. В твидовом пиджаке и свитере было, пожалуй, холодновато, но возвращаться в номер за пальто он не стал. Мрачное, набрякшее тучами небо грозило дождем, но Майкла это не слишком заботило.

С улицы вверх по пандусу шли машины: номерные знаки Флориды, Техаса, Айовы, Канзаса и Алабамы, автомобили любых типов и моделей — от тяжелых «Дженерал моторс» до миниатюрных импортных японцев. Ковбой из «фольксвагена» и его дружки прибыли сюда из Нью-Джерси, Садового штата¹. На клочке бумаги, прижатом дворником ветрового стекла «камаро», красовалась надпись: «Ты стоял у меня на пути, мать твою!!!»

На улице Майкл поймал такси и попросил отвезти его на Конститьюшн-авеню.

¹ Самый густонаселенный штат США Нью-Джерси прозвали так, потому что он исправно снабжает овощами и фруктами не только своих жителей, но и огромный Нью-Йорк на противоположном берегу Гудзона.